Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

«Спасая одну жизнь, спасаешь все человечество»

26.01.2024.

Ян Броккен Photo © N. Sikorsky

По случаю Международного дня памяти жертв Холокоста, провозглашенного Генеральной ассамблеей ООН в 2005 году и отмечаемого ежегодно 27 января, предлагаем вашему вниманию интервью с Яном Броккеном, автор книги «Праведники», вышедшей несколько месяцев назад на французском языке в лозаннском издательстве Éditions Noir sur Blanc.

Консул Нидерландов в Литве с 1939 года Ян Звартендийк выдавал евреям свидетельства о том, что для въезда в голландскую колонию Кюрасао въездная виза не требуется – эти свидетельства служили неким заменителем визы. В 1940 году консул Японии в Литве Тиунэ Сугихара, вопреки инструкциям руководства японского

МИДа, массово выдавал транзитные японские визы польским и немецким евреям – беженцам от нацистов. Советские дипломаты согласились пропускать людей с такими псевдовизами через территорию СССР. Считается, что Сугихара помог спастись до 10000 человек, став единственным японцем в Аллее праведников в Иерусалиме. О подробностях этой невероятной истории и рассказывает книга Яна Броккена, уже известного нашим читателям по роману «Достоевский: дружба в Сибири».

Господин Броккен, Вы родились после войны, в 1949 году. Расскажите, пожалуйста, немного о своем детстве – как отозвалась на нем война.

Моих родителей война застала в Индонезии, куда они уехали еще в 1935 году. Мой отец был пастором, теологом, он занимался изучением различных течений в исламе. Началась война, в марте 1942 года Япония оккупировала Индонезию, и мои родители оказались в японском лагере, как и все белые европейцы: отец – в лагере для мужчин, а мама с двумя моими братьями, которым был полтора и три года, – в женском. Два лагеря находились на расстоянии 150 км друг от друга, родители провели в них почти четыре года, в жутких условиях. Они вернулись в Нидерланды в 1948 году, а в 1949-м родился я.

В детстве я, ребенок мирного времени, много общался с людьми, возвращавшимися из тропиков, из Индонезии, из лагерей, и страдавшими разными недугами, как физическими, так и психологическими.

Вы получили два высших образования: журналистское в Утрехте и политологическое в Бордо. В книге «Праведники», ставшей поводом для нашей встречи, явно проявляются оба. Справедливо ли утверждать, что полученные теоретические знания повлияли на ваши «практические» интересы как писателя?

Да, безусловно. Образование в Бордо очень расширило мои горизонты, именно там я научился мыслить и анализировать. Школа же в Утрехте принесла практические профессиональные знания, которые тоже пригодились. Я начал карьеру в ежедневной газете и работал вполне успешно в течение 11 лет, но всегда хотел быть писателем. Работая в газете, я имел счастье интервьюировать Габриэля Гарсию Маркеса, Милана Кундеру, Гюнтера Грасса, многих музыкантов. Я обожал рассказывать истории. В 34 года я решил полностью посвятить себя литературе, все больше склоняясь к нон-фикшн, позволяющей рассказывать реальные истории в форме романа. На сегодняшний день мною написано 35 книг.

Насколько я понимаю, Вы не еврей. Почему Вы взялись за «еврейскую тему», о которой столько уже написано?

Действительно, я не еврей, хотя многие меня в этом «подозревают». А «еврейская тема» в моем творчестве началась с книги «Балтийские души» – сборника из 15 портретов семей с трагическим прошлым, как очень известных, так и совсем неизвестных. Среди них было немало евреев. Например, родившиеся в Литве скульптор Жак Липшиц, брат которого был расстрелян в 1936 году, и писатель Ромен Гари, в день награждения его Гонкуровской премией получивший письмо очевидца о том, как в 1942 году в Вильнюсском гетто умер его отец Арье-Лейб Кацев. Великий кинорежиссер Сергей Эйзенштейн и его отец, знаменитый рижский архитектор, оказавшиеся по разные стороны баррикад в Гражданскую войну, и родившийся в

Латвии художник Марк Ротко, настоящая фамилия которого Роткович. Интересно, что его мало интересовавшийся религией отец стал ортодоксальным евреем после погромов 1905 года.

Все эти портреты сложились в историческую фреску и привлекли мое внимание к еврейскому Вильнюсу: на момент начала войны 54% населения города составляли евреи, самым распространенным языком был идиш, в 1940 году здесь выходили три ежедневные газеты на иврите и было 474 синагоги и молельных дома. Позже практически все еврейское население было уничтожено.

Я нашел профессора идиша, Давида Каца, преподававшего в университетах Вильнюса и Нью-Йорка, и попросил его помощи в исследовании этого вопроса. Первым делом он отвел меня в Еврейский музей Вильнюса – крошечный музей, где размещена постоянная выставка «Спасенный ребенок литовских евреев рассказывает о холокосте». Профессор Кац показал мне фотографию двух детей и рассказал о спасшем их в 1940 году нидерландском консуле в Каунасе Яне Звартендейке, взяв с меня слово написать о нем книгу. В отличие от имени Шиндлера, это имя было совершенно неизвестно, а ведь он спас тысячи жизней, в большинстве своем еврейских беженцев из Польши – их было 30 тысяч. Дело в том, что единственной страной, принимавшей в 1939-1940 годах евреев, была Литва, все остальные закрыли для них свои границы. Так что идея книги «Праведники» принадлежит профессору Кацу.

Jan Brokken

Les Justes

Comment un « visa pour Curaçao » permit de sauver des milliers de Juifs

Traduit du néerlandais par Noëlle Michel

LES ÉDITIONS NOIR SUR BLANC

Начало Вашей книги чем-то напомнило мне начало «Мастера и Маргариты» Булгакова и его совет никогда не разговаривать с незнакомцами. «Ян Звартендийк не был рожден для героизма, он не входил в его амбиции», пишете Вы. Жил себе спокойно человек в предвоенном Каунасе, был счастливо женат, имел троих детей, хорошую работу. Но – ответил на телефонный звонок, раздавшийся в неурочное время, и вся его жизнь прибрела новое, совершенно неожиданное для него самого направление. Несколько Вы верите в роль случая? Или все же должно быть в человеке заложено что-то, что заставляет его реагировать на внешние обстоятельства тем или иным образом?

Я часто задавал себе этот вопрос и пришел к выводу, что даже в иных обстоятельствах Ян Звартендийк что-то сделал бы. Я уверен, что не случайно именно его посол Нидерландов в Литве попросил взять на себя обязанности консула – он знал, к кому обращался, хотя они были едва знакомы, верил в него. И я понимаю его: фотографии донесли до нас его светлый, прямой, открытый взгляд, свидетельствовавший об открытости души.

Одним из лучших друзей Яна Звартендийка был журналист еврейского происхождения Луис Алетрино, погибший в концлагере в Маутхаузене. Возможно, это тоже сыграло роль. Но прежде всего он решил спасать евреев не из личных, религиозных и прочих соображений, а из Человечности. «Если я не помогу этим людям, они умрут», - так объяснил он свое поведение своим встревоженным детям, указывая на толпу, ожидавшую перед дверью консульства.

Да, необязательно ходить в церковь, чтобы следовать десяти заповедям.

Вот именно! И заметьте, речь идет о мае-августе 1940 года, когда еще не было концлагерей. Шиндлер, при всем огромном уважении к нему, начал свою акцию спасения в 1943-м, когда уже все было известно. На всем протяжении моего исследования меня мучал вопрос, каким образом Ян Звартендийк разглядел то, что не видели другие. Или не хотели видеть.

Ян Звартендийк был европейцем, для которого евреи не были чем-то экзотическим. Но в Вашей книге есть чудесная сцена, где еще один герой, японский консул Тиунэ Сугихара впервые оказывается в спасенной им семье на празднике Рош ха-Шана, еврейском новом годе, для которого эта традиция становится полным открытием и впечатление от которой он и его жена сохранят до конца своих дней. Думаете ли Вы, что в основе многих предубеждений лежит незнание?

Да, но не всегда и не только.

В СССР не любили и в современной России не любят говорить о пакте Молотова-Риббентропа, который Вы называете «дьявольским», поскольку на его основе Польша и прибалтийские государства были поделены как в игре «Монополия». В Швейцарии же любят вспоминать Венский конгресс, где, при активном участии России, ею был получен особый статус нейтрального государства. Вы же напоминаете, что на том же конгрессе 1815 года Нидерланды получили статус «малой державы», уступая пальму первенства, в частности Германии, Франции и Великобритании. Думаете ли Вы, что эти исторические события, воспринятые как сознательное унижение, оказали

влияние на поведения большинства населения Нидерландов и стран Балтии во время Второй мировой войны, на их готовность поддержать Гитлера?

Да, наверное. Я думаю, что пакт Молотова-Риббентропа имел огромное значение для СССР, отсрочив войну – не секрет, что советская армия была к ней не готова, армия Германии технически была на голову выше. Прочитав огромное количество литературы об этом периоде, я пришел к заключению, что при всем негативном, что можно сказать о Сталине, он не питал к Гитлеру ни малейшего уважения и ненавидел нацистов. Договоренности, о которых мы говорим, всегда имеют причины. [Одним из прямых последствий пакта было вхождение Литвы в состав СССР летом 1940 года. Когда немецкие войска вошли в Литву 22 июня 1941 года и захватили всю её территорию буквально за неделю, многие литовцы приветствовали немцев как освободителей от советского режима, рассчитывая на восстановление независимости. – Прим. Н.С.]

И еще к вопросу об унижении. Знаете, что интересно? Моя книга вышла на русском языке в феврале 2023 года в издательстве «Нестор-История» Сергея Эрлиха, три года назад купившего у меня права на четыре книги. Признаюсь, после начала войны в Украине я прервал все контакты с ним и с моей переводчицей, но рад, что книга вышла. Сергей Эрлих сохранил в этом издании все использованные мною фотографии, за исключением двух, на которых запечатлен маленького роста Деканозов в окружении двух высоких эсэсовцев – видимо, в Москве сочли это унизительным. [Владимир Георгиевич Деканозов – деятель советских спецслужб, Генерал-лейтенант (09.07.1945), один из активных участников сталинских репрессий (большого террора). Дипломат, посол СССР в Германии перед началом Великой Отечественной войны. Входил в ближайшее окружение Л. П. Берии. Арестован по делу Берии по обвинению в измене Родине в форме шпионажа и заговоре с целью захвата власти и прочем. 23 декабря 1953 года приговорён Военной коллегией Верховного Суда СССР по ст. 58 УК РСФСР к высшей мере наказания — смертной казни и в тот же день расстрелян. – Прим. Н.С.]

Вы описываете неприкрытый и ярый антисемитизм в Лодзе в середине 1930-х годов и утверждаете, что чехи стали антисемитами после войны. От Вашего рассказа о том, как расправлялись с евреями «простые литовцы», стынет кровь: «По дороге [еврейских беженцев] атакует литовское население. Мужчин, женщин и детей убивают сотнями ударов вил или выстрелами из ружей на обочине. Других переводят в Девятый форт близ Каунаса, где литовская милиция осуществляет геноцид более организованно: пленных выстраивают по двенадцать человек у стен крепости перед расстрелом. Следующая группа должна подобрать трупы и сбросить их в братскую могилу, прежде чем последовать за ними». Еще до прихода немцев члены «Литовского фронта активистов» за две ночи, с 25 по 27 июня 1941 года, уничтожили 3800 евреев в Вильямполе, еврейском квартале Каунаса. В 1944 году Литва объявила себя «очищенной от евреев». Как объяснить подобное зверство по отношению к многолетним соседям, одноклассникам их собственных детей и их родителям?

Мне кажется, что, оказавшись в стане антисемитов, литовцы совершили самую большую глупость в своей истории, ведь суть нации была в большой степени создана евреями. Разумеется, я не собираюсь защищать антисемитизм литовцев, но в моей книге я, как и Вы, пытаюсь понять – почему? Надо знать, что евреи поселились в

Литве, Латвии и восточной части Польше по приказу Екатерины Второй – в конце 18 века императрица переместила 7 миллионов евреев. [По данным переписей в Литве, в 1792 году там проживало 250 тысяч евреев, в 2011 году – 3050 еврея. – Прим. Н.С.] Евреи жили в основном в городах, в том числе и в Голландии, но в Литве они оказались в сельской местности, получив кусочки земли. Они были очень работоспособными и изобретательными – надо было выживать! – и вскоре начали вызывать у коренного населения зависть, которая со временем только росла. В итоге были забыты все еврейские интеллектуалы, внесшие огромный вклад в развитие Литвы.

В советский период зверства литовцев в отношении еврейского населения замалчивались. Что сделано для восстановления правды в современной Литве, входящей в Европейский Союз?

Благодаря контактам с бывшим министром иностранных дел Литвы, которому было всего 35 лет, я получил доступ к рассекреченным архивам. Думаю, готовность министра помочь мне в моем исследовании частично объяснялась его опытом работы по линии ООН в лагере беженцев в Афганистане – он представлял себе, что это такое. Архивов было несколько, по просьбе министра в поисках мне помогал президент еврейского сообщества Литвы и единственный член парламента – еврей по национальности. Их помощь была бесценна! Но вот что интересно. Когда книга была написана, литовский издатель купил права на ее издание на литовском языке. Но, когда были переведены первые двести страниц, он «споткнулся» о момент расстрела евреев в гараже и поставил под сомнение историческую достоверность этого факта. Дальше правительство сменилось, мой знакомый министр перестал быть таковым. Но посол Нидерландов настаивал на выпуске книги, встречался по этому поводу с министрами иностранных дел, культуры, образования… И добился своего! Книга выйдет и будет представлена на Вильнюсской книжной ярмарке в феврале 2024 года, что позволит литовцам взглянуть в лицо собственной истории. Кстати, только сейчас начинает проливаться свет на многочисленные проблемы, связанные с выплатами Литвой возмещения ущерба пострадавшим еврейским семьям – это касается всех прибалтийских стран, но особенно Литвы. Возможно, война в Украине также подтолкнула правительство к действиям в этом направлении. Так что можно сказать, что лучше поздно, очень-очень поздно, чем никогда.

На основе проведенных Вами исследований Вы приходите к выходу, что сотрудники НКВД в Каунасе и Вильнюсе получили указания от вышестоящих инстанций способствовать исходу евреев из Литвы – не только литовских, но и польских, немецких, австрийских – с помощью основанного в 1929 году «Интуриста». Почему, как Вы думаете, ведь не из любви же к евреям? И почему об истории еврейского исхода через Сибирь и Владивосток благодаря визам, выданным Яном Звартендийком и Тиунэ Сугихарой вопреки мнению их начальства, до сих пор так мало известно в России?

Надо понимать, что Сугихара выдавал визы еврейским беженцам вопреки позиции собственного правительства, уточню – транзитные визы: это было единственное, что он мог сделать, поддержав таким образов замысел Яна Звартендийка, с которым так ни разу и не встретился. Главным было вывезти евреев из Европы, и Транссибирский путь представлялся единственной возможностью. Все это стоило денег. Макс Либерман, представитель американской организации помощи евреем «Джойнт», располагал долларами.

Мне удалось установить, что Сталин был в курсе этой операции. Как удалось? Благодаря российскому историку Илье Альтману, в начале 1990-х основавшему в Москве научно-просветительский центр «Холокост», первый такой центр не только в России, но и на всем бывшем советском пространстве. Он сразу согласился мне помочь: как выяснилось, его центр финансировался амстердамским Фондом Анны Франк. К услугам профессора Альтмана были все архивы, и он нашел протокол заседания политбюро от 27 июня 1940 года, согласно которому Сталин дал указание пропустить еврейских беженцев через советскую территорию. При условии, что каждый заплатит по 400 долларов – это были тогда большие деньги, и они были очень нужны Сталину для оснащения армии современным оборудованием. Почему об этом так мало известно? Во-первых, советские лидеры не хотели прослыть циниками, наживавшимися на беженцах. Во-вторых, в то время владение валютой в СССР было запрещено, за один доллар можно было угодить в Сибирь.

Вы уделяете важное место 14-томному труду о роли Нидерландов во Второй мировой войне, увидевшему свет под руководством директора Института военной истории Нидерландов Л. Де Йонга, в мае 1940 года сумевшего сбежать в Англию. Вы утверждаете, что, описывая литовские события, он подтасовывает факты, смещает акценты, принижая роль Звартендийка и выпячивая собственную. Как же верить подобным исследованиям, претендующих на историческую правдивость?

Труд Де Йонга, еврея по происхождению, создавался в течение тридцати лет. Признаюсь, я был возмущен тем, как он отзывался о Звартендийке, называя его не по имени даже, а «человек Philips», и говоря, что тот «начал вывозить богатых евреев». Разве может историк не знать, что, после оккупации Литвы нацистами, у евреев было конфисковано все – дома, бизнесы, все имущество?! Им было разрешено брать с

собой в дорогу десять рейхсмарок. Десять! Единственное, что они могли, это взять с собой драгоценности, чтобы продать за бесценок. Как же мог Де Йонг писать такое?! Это были люди, лишенные всего, и я счел своим долгом исправить эту «ошибку».

В конце повествования Вы проводите тему неблагодарности – как со стороны спасенных евреев в отношении своих спасателям, так и со стороны правительств Нидерландов и Японии в отношении своих выдающихся дипломатов. Эта тема представляется важной, ведь неблагодарность – отвратительная черта в людях…

Я согласен с вами, но думаю, все было сложнее. Действительно, Сугихара был уволен с дипломатической службы Японии в 1947 году, а Звартендийку был объявлен выговор в 1964 году, когда все уже знали о шести миллионах замученных евреях! И вот министр иностранных дел Йозеф Лунц, ставший впоследствии генеральным секретарем НАТО, обвиняет его в неподчинении указанием МИДа и выносит ему порицание. Такая же участь постигла консула Португалии в Бордо, выдавшего 30 000 виз французским евреям, чтобы они могли сбежать в Лиссабон.

Как Вы это объясняете?

Я объясняю это так. Всегда говорилось, что политики и дипломаты ничего не могли поделать, а действия Звартендийка и Сугихары свидетельствуют об обратном – очень даже могли. Но господа типа Лунца, до войны состоявшего в националистической партии, были виновны в бездействии. Если бы они признали героизм своих коллег, то должны были бы признать и собственную трусость.

А как объяснить всплеск антисемитизма в Праге в 1945 году и в Польше в 1968-м?

Мне кажется, в этих странах существует очень устойчивый вирус – вирус антисемитизма. Часть их населения чувствует себя лучше, как только находит повод обвинить в чем-то евреев, хотя заканчивается всё наоборот. Сегодня, каждый раз, когда я гуляю по Вильнюсу, я ощущаю страшную пустоту. В Амстердаме я живу в 200 метрах от дома, где скрывалась Анна Франк. Каждое утро, совершая прогулку, я прохожу мимо него. До войны в Амстердаме было 100 тысяч евреев, 92% из них были уничтожены. Все, видимо, забыли, что Спиноза, национальная гордость голландцев, тоже был евреем. Единственное лекарство от этого вируса – знание, образование, правда.

В жизни каждого человека наступает момент, когда ему приходится принимать важнейшее, фундаментальное решение, имеющее определяющее значение для его будущего, это будет вопрос жизни и смерти. Необходимо, чтобы это решение было правильным, в противном случае мы теряем себя навсегда.

В кризисные ситуации всегда на поверхность всплывает и самое плохое в людях, и самое хорошее. Увы, мы стали свидетелями войны между Россией и Украиной. Как сохранить человечность и разум, когда эмоции зашкаливают? Можно ли расценивать молчание, непротивление злу как пособничество?

На второй Ваш вопрос я сразу отвечаю – да! А на первый отвечу еврейской

пословицей: «Спасая одну жизнь, спасаешь все человечество». Об этом всегда надо помнить. Я давно не практикую религию, но помню напутствие моего отца-пастора: если кто-то стучится в твою дверь, не запирай ее.

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/celui-qui-sauve-une-vie-sauve-le-monde-entier*